Марина БАЛУЕВА И ВРЕМЕНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ…

В холле, где разместились ожидающие своей очереди люди, было тихо. Только изредка осторожный скрип стула или чье-то сдержанное покашливание, или судорожный вздох взрывали эту тишину, вязкую и тяжелую. Ни звука не доносилось из-за

массивной дубовой двери, сработанной, судя по стилю, в середине прошлого века. На этой двери не было даже таблички, разъясняющей назначение помещения, которое за ней располагалось, или имя и должность человека, который это помещение занимал. Лишь номер, длинный номер, состоящий из двенадцати цифр, запомнить которые сходу было невозможно, и поэтому каждому, кто поднимался сюда

по широкой пустынной и парадной лестнице, приходилось сверяться с

пластиковым номерком, который выдавали внизу на вахте в обмен на паспорт.

Этот номерок также служил электронным ключом входящим, так как дверь захлопывалась, и далеко не все люди выходили обратно. Собственно, за прошедшие три часа из пяти вошедших вышел только один. Это был невысокий мужчина лет шестидесяти, лысеющий, в очках и тщедушного телосложения. У него было доброе лицо. А за толстыми очками голубые растерянные глаза. Поправляя очки и постоянно одергивая старомодный поношенный пиджак, он нетвердой походкой пошел обратно к входной двери.

И все, больше никого, кто бы вышел оттуда.

Видимо, остальные согласились. Только на что, вот в чем вопрос. И если они согласились, возможно, не так безнадежно все это? Может, были аргументы предложены убедительные?

Андрей облизал пересохшие губы и посмотрел на табло, где высвечивались индивидуальные трехзначные номера, присвоенные всем очередникам там же на вахте, и отпечатанные на тех же электронных карточках, только внизу в правом углу и более мелким шрифтом. Вот и опять не его номер. Когда же дойдет до него? Впрочем, даже предположить это было трудно, так как какой-либо системы или порядка в следовании номеров не наблюдалось.

Из-под полуприкрытых век он осторожно осмотрел людей, сидящих напротив. Дама лет пятидесяти в шляпке, тенью скрывающей часть лица. Набрякшие нижние веки, сомкнутые плотно яркие накрашенные губы. Руки с безупречным маникюром открывают и закрывают сумочку, вытаскивают платочек, комкают, прикладывают к лицу. Рядом с ней парнишка лет четырнадцати, щуплый, по лицу размазана грязь и такие же грязные руки, одет плохо, в глазах испуг. Далее полный мужчина с одышкой и нависающим над брюками рыхлым животом, обтянутым полосатой рубашкой, с каплями пота на красном лице, руки дрожат.

Люди совершенно разные, ничто внешнее их не объединяет. Кроме, пожалуй, одного общего признака. Они все излучают страх. Страх и одновременно желание, какую-то надежду или алчность.

Неужели и он, Андрей, так же… м-м-м… мандражирует. Вспомнилось это слово из бабушкиного лексикона, и почему-то веранда их большого дачного дома в Кавголово, солнце и пенка от малинового варенья в креманке такого тонкого фарфора, что края пропускали солнечные лучи, запах свежей масляной краски, которой каждое лето бабушка заново красила веранду… Бабушка обычно говорила ему «не мандражируй» перед экзаменами… Еще у нее были любимые словечки «не комильфо» и «амикошонство». Смешная милая бабушка. Нет, ему давно уже все безразлично, что было давно. Какое-то окаменение всех чувств… Вспомнилась дочка. Когда была грудным младенцем, и от нее исходил этот удивительно нежный детский запах, ее первый трогательный детский лепет. Вспомнилась жена Нина с дочкой на руках, Нина в

стильном ма
леньком платье из бутика, купленном на последние деньги. Ей так шло это платье. Это был последний Новый год. Будет ли еще хоть один?

Вся жизнь после детства вспоминалась как изнурительная суета в поисках заработков и сами эти заработки, монотонные или отупляющие, не приносящие удовлетворения ни достатком, ни интересом к делу. Менеджер, экспедитор, рабочий на стройке, опять менеджер, учитель математики в школе, а по совместительству грузчик, опять менеджер. В советские времена это называлось трудовая биография. Вот у него она такая в неполные тридцать лет, хоть и не в советские уже времена. Сначала он вынужден был подрабатывать сторожем уже с первого курса, так как разом потерял всех близких в течение двух лет, а стипендия была просто насмешкой над здравым смыслом и арифметикой. Потом, очень рано, женился на однокласснице, и с тех пор забота о близких поглотила его целиком. Это был бег без остановки, как будто сзади ехал гигантский асфальтовый каток, готовый закатать каждого, кто споткнется, или замешкается. Мешкать нельзя было. Постоянный страх за жену и дочь сделал его, казалось, сырьем

для какого-то гигантского механизма по выкачиванию человеческих ресурсов. Но всегда была надежда, что вот-вот завтра все наладится. Нет, конечно, он уже не займется любимым делом — наукой. Не будет проводить дни в лаборатории и не получит свою Нобелевскую премию (так он шутил иногда). Но они хоть встанут на ноги, выплатят все кредиты. Наконец, просто повзрослеет дочь или случится какое-нибудь чудо. И случилось. Но не чудо, а большое несчастье, которое поставило точку всем ожиданиям. В том карельском лесу, где догорал упавший самолет, ему и его семье неслыханно повезло. Они выжили, тогда как почти все пассажиры погибли. Ему повезло больше всех: он отделался несколькими царапинами. У них повреждения были серьезные. Но самое главное, он был рядом и добился их погружения в вертолеты скорой помощи, а не в вертолеты службы трансплантологии. Как хорошо, что он был рядом тогда. Они выжили, но теперь того, что еще как-то хватало на жизнь, уже катастрофически не хватало на то, чтобы поставить их на ноги и в дальнейшем поддерживать их существование. Это был тупик. Друзья помогли разместить объявления в сети. Но этих объявлений о необходимых операциях и сборе денег было в Интернете уже такое количество, что создавалась какая-то чудовищная конкуренция на то, чье несчастье страшнее. Пришла мысль продать почку или другой орган. Зазывающей рекламы тоже было много. Но ведь тогда он сам становился инвалидом и мог стать обузой, а не помощником и защитником. Впрочем, все равно денег не хватило бы.

В момент таких тяжелых раздумий эти странные вербовщики и вышли на него.

В больничном садике на белой скамейке, исчирканной и изрезанной похабными надписями и датами. Где он судорожно затягивался табачным дымом, держа сигарету в дрожащей руке, переживая то, что видел в реанимации и в ожоговом отделении. Эти мучения человеческой плоти с ощущением витающей поблизости смерти — в ожидании своей вечной жатвы. Он отдыхал после того, как выдержал бессонную кризисную ночь у реанимационной кровати жены. Следя, чтобы за ее жизнь боролись до самого конца, и чтобы его присутствие отогнало от койки охотников за органами, которые кружились тут же, как коршуны высматривая всех, о ком никто не позаботится и не поскорбит. Потому что бесхозных больных уже можно было и не очень стараться вытащить с того света. А наоборот, они могли стать источником продолжения жизни и неслыханных прибылей для тех, кому повезло еще пожить на земле. Они могли быть использованы живущими как полезные вещи.

Кризис миновал. Жизнь вступила в свои права. Андрей мог немного расслабиться. «Ничего, еще поживем!» — думал он.

Тогда на эту скамейку к нему и подсел мужчина средних лет. Накачанные мускулы под футболкой и джинсами, аккуратная мефистофельская бородка, бесцветные глаза.

— Андрей Максимович? — сказал он вопросительно. — Простите, что прерываю ваше одиночество, но я располагаю очень полезной для вас информацией.

— Кто вы? — отпрянул от него Андрей.

— Я — тот, кто может вам помочь, — сказал незнакомец, — а остальное неважно.

— И все же?..

— Вы можете звать меня Эдуардом. Остальное неважно. Я служу в ведомстве, которое располагает большими полномочиями.

— Вот оно что… Догадываюсь даже что за ведомство, — усмехнулся Андрей. — И чем же вы можете мне помочь? Предупреждаю, что не очень уважаю ваше ведомство. Как и все прочие секретные и специальные службы.

— Вам ведь нужны деньги.

Андрей промолчал.

— А мы можем предложить вам много денег...

— Сколько?

— Я сказал — много. Очень много.

— Разве у вас нет расценок?

— На что? — удивился незнакомец.

— На органы.

— Ах, вы об этом… — он махнул рукой. — Нет, нам не нужны ваши внутренности. Мы просто вам поможем.

— С каких пор вы занялись благотворительностью?

— Разумеется, не даром, — как бы не замечая иронии, продолжал Эдуард. — От вас тоже кое-что потребуется.

— И что потребуется от меня? Шпионаж?

— Участие в эксперименте и, возможно, ваша жизнь.

Андрей опять усмехнулся:

— И какова все-таки цена вопроса? Я хочу торговаться.

— Полная оплата всех медицинских услуг, необходимых вашим близким, а также в дальнейшем обеспечение их надежным ежемесячным доходом.

— Я бы предпочел цифры. В формулировки можно вложить разное содержание. А то очень напоминает услуги риэлтеров: расскажите, какую квартиру вы хотите. Ах, с балконом? Вот вам сарай с балконом. Сами, мол, просили. С балконом вам и нашли. Не будет так, что и меня тю-тю того, и близким тоже ни фига, и так далее?

Собеседник поморщился

— Все будет оговорено подробно, не сомневайтесь. Вот визитка с адресом, приходите.

Он думал один день и нашел все-таки это массивное здание сталинского стиля, простирающееся, кажется, на целый квартал и окруженное чахлым парком. На воротах парка он увидел побитую и поцарапанную табличку советских времен «НИИ геомагнитных излучений», а когда подошел к входным дверям, то разглядел другую, более новую по виду «ЦКБ Магнит». Подумал немного и вошел.

На табло высветился его номер. Он встал, подошел к двери. Дверь с трудом поддалась. В комнате за большим пустым столом сидели трое. Уже известный ему Эдуард с мефистофельской бородкой. А также полный розовощекий господин в дорогом сером костюме и очках. С ними рядом развалился на стуле молодой мужчина интеллигентной, даже, пожалуй, богемной внешности. С бородой, в выгоревшей футболке и джинсах. Э тот последний сидел, слегка покручиваясь на стуле и глядя в пол. Андрею показалось, что на лице у него смущение, и еще что лицо это чем-то ему знакомо.

— Здравствуйте, Андрей Максимович, – любезно и даже вкрадчиво проговорил розовощекий. — Присаживайтесь, пожалуйста. — Он весь излучал доброжелательность и оптимизм. — Приступим к собеседованию. Мы предлагаем вам принять участие в научном эксперименте. Какого рода? Вы читали, наверное, Герберта Уэллса «Человек-невидимка»? Так вот, именно это мы вам и предлагаем сейчас.

— Стать человеком-невидимкой?

— Именно так! — подпрыгнул на месте розовощекий и приторно рассмеялся, как будто Андрей сейчас очень остроумно пошутил. — Объясню научную составляющую этого дела. Возможно, вы знаете, что в США, а по секрету скажу, что и у нас, проводятся эксперименты с так называемыми метаматериалами. То есть с несуществующими в природе объектами, которые благодаря своим свойствам и в определенных условиях могут изменять направление и свойства электромагнитных волн, а также управлять сво йствами света.

— Допустим, — сказал Андрей. Он читал об этих экспериментах. И вообще интересова лся такими вопросами, хоть со времени окончания университета возможности для этого оставалось все меньше… – Допустим. Но меня интересует другое. Какая опасность для жизни в ваших экспериментах?

— Опасность? — расхохотался розовощекий. — Да кто вам сказал про опасность, ровно никакой.

В этот момент Эдуард — мефистофельская бородка — дотронулся до него рукой и что-то буркнул неразборчиво. Розовощекий сделал серьезное лицо.

— Ну. Собственно, конечно опасность, как в любом эксперименте. Любое дело требует техники безопасности, следовательно, имеется какая-то опасность, — он опять расхохотался. На этот раз уже над собственным остроумием.

— Тогда почему такие деньги? – При слове «деньги» бородатый молодой человек богемного вида поднял глаза от пола и внимательно посмотрел на Андрея, потом так же внимательно на Эдуарда.

— Деньги, деньги — что вы все про деньги? – поморщился розовощекий. – Наука уже никого не интересует… О времена, о нравы…

— А впрочем, зачем вам деньги? — он повысил голос. — Ваша жена, скорее всего, уже не будет ходить, а дочери понадобится множество пластических операций. Вы все еще хотите тянуть на себе эту обузу?.. Нет-нет, это я вас просто проверяю на искренность…

— Вы все получите, как договаривались, — поспешил заверить Эдуард.

— А гарантии?

— Гарантии? Вы что, нам не доверяете?

Услышав эту любимую формулу всех манипуляторов, мошенников и плутов, Андрей понял, что здесь нечего ждать. Он встал и, буркнув «всего хорошего», направился к двери.

— Подождите, — крикнул Эдуард. — Деньги будут положены на ваш счет в иностранном банке, но на это требуется время.

— Тогда и поговорим.

— Вы не выйдете отсюда, дверь заперта.

— Не понял.

Но ответа он не услышал. Сознание его внезапно померкло.

Он очнулся в маленькой комнате, скорее боксе. Стены обиты деревянными панелями как было модно в пятидесятых годах прошлого века. Он лежал на полу. Эдуард, склонившись над ним, внимательно смотрел в лицо. Больше в комнате ничего и никого не было.

— Ну, вот и прекрасно, — проговорил Эдуард, когда Андрей открыл глаза. – Прошу прощения за некоторое насилие над вами, пришлось применить… э-э… спецметоды, но выхода отсюда нет, раз уж вы согласились.

— Я ни на что не соглашался, – во рту было сухо, и собственный голос Андрей слышал словно издалека.

— Раз пришел сюда, значит, согласился. Вы нам подходите, остальное неважно.

— А ничего, что вы мне не подходите?

— О-о, это ничего, это совсем ничего… Ради близких люди и не на то идут. Остальное неважно.

— И где деньги?

— Какие деньги? Парень, теперь ты будешь сотрудничать с нами только за то, чтобы твои близкие остались в живых. Уразумел? Вот так то. Мы люди серьезные… Э-э, не дергаться. Я тоже могу ударить. Будь благоразумным, выхода у тебя нет.

Потянулись дни. Он сделал вид, что поверил им и готов сотрудничать, но сам искал выход. Пока ничего в голову не приходило. Дни были наполнены странными тренировками. Верчение в центрифугах наподобие тех, в которых тренируют космонавтов, качание на тренажерах чередовалось с проверкой интуиции и телепатических способностей на специальных аппаратах, похожих на детектор лжи, но усложненных множеством мониторов и многоступенчатым пультом. Он должен был угадывать чужие мысли и передавать свои на расстояние. Сначала были почти одни сплошные неудачи, потом угадывания стали случаться все чаще.

Эдуард и розовощекий (его звали то Всеволод Никитич, то Сева) радовались и

обсуждали каждый случай с большим возбуждением.

В перерывах Андрей гулял во внутреннем дворике, где между серыми плитами росло три чахлых сиреневых куста, а наверху, над шестью массивными этажами виднелся прямоугольник серого питерского неба. Курить ему запретили и помогли оставить эту привычку какими-то медикаментами. Жил он все в той же комнате, похожей на бокс, где очутился в первый же день. Ее немного меблировали, поставив солдатскую койку с тюфяком, бельем и одеялом, стол со стулом и поместив плазменную панель на стене. На этой панели ему один раз показали видеозапись из больницы. Откуда он узнал, что жену и дочь перевели из реанимации в отдельную комфортабельную палату.

Сюда же, в эту комнату, ему привозили еду. Три раза в день молчаливая угрюмая женщина лет пятидесяти, одетая в синюю униформу, вкатывала на сервировочном столике приборы с едой, а потом увозила грязную посуду. Меню было строго вегетарианское, впрочем, разнообразное и сбалансированное — голода Андрей не ощущал. Общался Андрей все с теми же тремя, изредка видел других людей, видимо, подчиненных служащих. Об их зависимом и, видимо, безрадостном положении говорил их одинаково угрюмый вид и синяя униформа. Впрочем, и этих служащих было немного.

Постепенно Андрей сдружился, если это слово подходит здесь, с Димой, третьим боро датым —

молодым человеком в джинсах, который принимал активное участие в тренировках, отвечал за программное обеспечение и оборудование. Дружба эта выразилась в обмене шутками два раза, да еще в том

взаимопонимании в области физики, которое проявилось в ходе тренировок, и которое выдавало в Диме не только хорошего специалиста, настоящего знатока в своих областях, но и широко эрудированного человека… И еще ему все время мучительно казалось, что он где-то видел Диму раньше.

Понемногу стала притупляться тоска и тревога по жене и дочери. Стала появляться какая-то апатичная покорность всему происходящему. Возможно, ему что-то подмешивали в пищу.

Однажды ночью он проснулся с необъяснимым чувством тревоги на грани панического страха. И в этот же момент увидел, как двигается ручка двери, и кто-то бесшумный пытается войти. Но дверь была заперта изнутри на засов (одна из немногих оставленных ему, узнику, привилегий, на которой он настоял в самом начале, отказываясь в противном случае приступать к экспериментам). Ручка повернулась несколько раз. Попытки не удались. Тогда на двери стало появляться радужное переливающееся свечение с преобладанием фиолетовых оттенков, а по форме напоминающее очертания человеческого тела. Затем свечение из плоского переросло в объемное уже по эту сторону двери, стало обретать форму и

постепенно превратилось в полупрозрачное

существо в человеческом обличии, а именно в женщину с сервировочной тележкой, одетую в синюю униформу. Но не ту женщину, которую он видел каждый день, а другую. Более высокую и молодую. Она прокатила свою тележку мимо него не обращая на него внимания, потом встала, глядя на лунный свет в окне, заломив руки, и послышалось нечто

похожее на рыдания, а скорее на завывания; постепенно призрак исчез, а завывание еще некоторое время было слышно.

После того, как на следующую ночь явление повторилось приблизительно в то же время, Андрей обратился к Диме с вопросом. Тот кивнул, не дослушав. И сказал, что придет вечером и все объяснит. Вечером он действительно постучался к Андрею. В руке у него был пульт, тот же, которым он пользовался, когда показывал кадры из больницы на воле, где лечились близкие Андрея. Сейчас он нарочито громким голосом сказал:

— Сейчас вы посмотрите последнюю запись больничной видеокамеры, — и, приложив палец ко рту, дал знак Андрею молчать. Потом Дима нажал кнопку на пульте и вокруг них засветились полоски света, немного схожие с северным сиянием. Тогда Дима сказал:

— Надо было убедиться, что нас не слышат. Это звукопоглощающая волновая стена. У нас есть некоторое время, чтобы поговорить. Когда свечение закончится, опять будет возможность прослушки. Поэтому быстро.

Он нажал на другую кнопку, и на экране видеопанели стали появляться портреты женщин. Подобно тому, как в милиции фотороботы преступников или фотографии потерпевших для опознания. Они мелькали быстро, их было довольно много. К тому же, помехи на экране, видимо вызванные волнами, мешали все рассмотреть. Наконец, Дима остановил мелькание, нажав еще раз.

— Эта? — спросил он.

На экране был портрет вчерашней ночной посетительницы. Андрей кивнул.

— А что это было? — с трудом вымолвил он.

— Постараюсь в двух словах, так как время ограничено. У нас в запасе около сорока минут. Но может быть и меньше.

Поглядывая на большие наручные часы, он стал рассказывать.

В 1950 году была предпринята очередная экспедиция в аномальную зону, которая находится в Сибири, возле города Н. . Это была уже четвертая по счету экспедиция. Предыдущие пропадали бесследно. Место издавна славилось у местных жителей как заколдованное, и с туземного языка название переводилось как «Гора шайтана», так

как там пропадали люди и животные, появлялись привидения, и по ночам

издалека над этим большим холмом было видно свечение. На этот раз экспедиции повезло. Удалось найти не только заброшенные стоянки их предшественников, но и натолкнуться на неизвестную горную породу. Правда, большинство членов экспедиции

пропало.

При дальнейшем лабораторном исследовании порода обнаружила свойства магнитные. Хоть и не совсем обычные. Она притягивала не только предметы, в том числе органической природы, но и живые объекты, а также

позднее обнаружила особое излучение неизвестной природы и с рядом необычных свойств. Причем, мухи и насекомые, оставленные вблизи для эксперимента, какое-то время притягивались, а потом исчезали из поля зрения, подобно тому как исчезают звезды

при приближении

к черным дырам. Не все тогда обратили внимание, что излучение

позднее формировало что-то вроде голограммы мух. Мелкие существа. Точнее, их изображения периодически принимались летать по лаборатории. Но появлялись далеко не всегда. И свидетелям не всегда верили, списывали на «мушки в глазах», а потом и вовсе забыли об этом побочном эффекте.

Позднее свойства небольшой партии вещества, которую удалось добыть с помощью тяжелой техники, были усилены с помощью системы центрифуг в особом бункере под землей. Аппаратура увеличивала
гравитацию, и стало возможно поглощение людей. Сначала это были преступники, потом бомжи. Словом, люди, которых никто не искал на земле.

Неживые объекты поглощались значительно труднее, иногда вовсе не поглощались. Через некоторое время появились призраки (голограммы). Не всегда они вели себя однообразно, механически. Изредка они подавали знаки или пытались что-то сказать. Это дало повод подумать об обратной связи с ушедшими. Возможно, нужны более сенситивные люди или более здоровые, чтобы принести информацию назад. Или те, кто что-то важное и дорогое оставил на земле.

— Как ты, например. Начались опыты с завербованными. Впрочем, пока не дающие результатов.

— А кто это финансирует и кому это вообще нужно?

— О-о, заказчик очень могущественный. А цель самая банальная — создание оружия массового уничтожения. Согласись, очень удобная утилизация лишнего народонаселения, без хлопот. А также еще здесь разрабатывают доспехи для шпионов-невидимок. Тоже актуальная тема.

— А призрак, который ко мне заходил…

— Эта женщина работала здесь, но она плохо себя вела по их понятиям. Очень тосковала по ребенку, оставленному на воле. Требовала, чтобы отпустили, обещала нажаловаться кому-то. Ведь люди удерживаются здесь насильно. В основном те, кого никто не будет искать.

Некоторых людей отпускают сразу (очень редко, в основном когда обнаруживают, что их исчезновение чревато привлечением внимания к шарашке). Некоторых возвращают в жизнь в другом городе, стерев из памяти предварительно все, что связано с лабораторий. Но большинство жителей этой крепости в центре города, живущих в помещениях внутреннего периметра (во внешнем работают служащие НИИ, живущие на воле) попадает в этот аппарат. Причем, зависимость, которая определяет, чей призрак вернется и будет «бродить по замку», установить пока не удалось. Привязанности на земле? Физические параметры тела? Они ведут статистику. Но ничего пока не ясно.

— А ты как сюда попал?

— Купился на научную карьеру. После окончания университета некуда было податься, вот и влип по собственной авантюрности

— Слушай, ты не в большом университете учился?

— Там, — улыбнулся Дима. — Я тебя сразу узнал. На два курса младше был, потому и запомнил тебя хорошо… А старшие младших не очень то запоминают.

— А Эдуард, а Сева?...

— Эдуард из спецслужб, Сева — психолог, манипулятор, фокусник, экстрасенс, оккультист. Словом, специалист по чертовщине.

Свечение погасло. Дима успел сказать, что в ближайшее время предложит особые — надуманные — эксперименты от себя, чтобы была возможность продолжить разговор. Андрей должен для верности впечатления отказываться и сопротивляться. Его заставят и тогда только это не вызовет подозрений. Здесь все строится на принуждении, в крайнем случае, на обмане.

Андрей долго не мог уснуть после ухода Димы. Он вспоминал все, что знал о гравитации, излучениях, черных дырах. Когда-то это все интересовало его. Вспомнил, что некоторые ученые считают черные дыры массивными невидимыми космическими телами с сильной гравитацией. Вспомнил, как опасен андронный коллайдер именно потому, что может расплодить черные дыры прямо на Земле. Вспомнил, что ключевым вопросом сегодня считается вопрос об информации. Уничтожается ли информация, поглощаемая черной дырой в космосе. По одним теориям эта информация попадает в другую Вселенную. По другим — возвращается в виде излучения. И еще, что точка невозврата, когда предмет, притягиваемый дырой, становится невидимым, называется горизонтом событий. По мере приближения к горизонту время замедляется и, наконец, у точки невозврата останавливается совсем. Похоже, и для тех людей, которые были отправлены в сомнительное путешествие из подземного бункера, время остановилось. Поэтому призраки совершают одни и те же действия механически. Впрочем, говорят, не все из них так себя ведут.

Через два дня Эдуард велел Андрею надеть скафандр и следовать в лабораторию излучений,

— Куда это еще, — неприязненно буркнул Андрей, — что я там забыл.

— Теперь будешь работать с Дмитрием , на тебя заявка.

— Видал я эту заявку. Сказал, не хочу.

— Поговори у меня, – рявкнул Эдуард. – Быстро найду способ укротить, ты же меня знаешь, — он подтолкнул Андрея к двери.

— Да пошел ты, — сказал Андрей, но двинулся в указанном направлении, надел скафандр в спецкамере и в лифте спустился в лабораторию. Там Дмитрий, тоже в скафандре, провел его анфиладой комнат, наполненных оборудованием, пока они не дошли до небольшого зала, где Дима начал снимать скафандр и знаком предложил Андрею сделать то же.

— Здесь можно разговаривать, — объяснил он.

— У нас мало времени, надо действовать. Через месяц тебя отправляют с миссией на…

— На тот свет?

— Именно. Надо бежать. До сих пор у меня не было помощников, люди здесь подавлены. Воля парализована страхом, внушением и медикаментами. Важно не только убежать, но и стереть о себе информацию. Технически это еще не так сложно, имею в виду базу данных. Но к способам вызывания амнезии я доступа не имею. Если не вырубить Эдуарда и Севу, нам впоследствии не скрыться будет на воле. Попробую поискать, как это делается.

— Короче, — сказал Дима через несколько дней. — Случайно услышал, что тебя уже готовят к «полету», будем настороже. Я думаю, бежать надо уже завтра. Приглашу

Эдуарда и Севу в мнемооперационную, ну в камеру, где производят амнезию, повод я уже придумал. Запру их там и включу волновой душ. За это время нас с тобой, то есть тебя в моем сопровождении, пропустят через посты, и мы

выходим на внешний периметр. Там надеваем костюмы-невидимки (их мы предусмотрительно захватим с собой). Таким образом, видеокамеры на внешнем периметре нас не зафиксируют и физиономии наши останутся неопознаваемыми. Спускаемся в гардероб, вырубаем охранника шокером, в гардеробе

подбираем себе подходящую одежду (на улице уже поздняя осень) и выходим, пользуясь мои ключом, наружу. Как тебе такой план?

— Идет, — сказал Андрей, — выбора у нас все равно нет.

Ночью он проснулся от необъяснимой тревоги, но не такой, как во время появления женщины-призрака. Паники не было. Голова была бодрой, и в ней ясно обрисовалась четкая мысль: «Завтра с утра меня отправят в дыру». Он уже четко научился распознавать прозорливые мысли в своей голове, отличать их от собственных желаний или чужих внушений. Его хорошо натренировал Сева. Тренировки оказали ему услугу. Но насколько полезную, ведь уже так поздно, скоро утро…

«Что делать? Что делать? – думалось мучительно и напряженно. – Диму не найти сейчас. Он в другом блоке, за надежными стенами и дверями. Телефонов здесь нет. Да если и были бы…»

Взгляд его упал на дистанционный шокер устаревшей модели, который на всякий случай

добыл для него Дима в первый же день их мнимого научного сотрудничества.

В дверь постучали

— Пошли, — сказал Эдуард, — ничего не бери с собой. Сегодня можно налегке.

— Налегке и с легкостью в мыслях, — стоящий рядом Сева засмеялся мелким нервным смехом.

В конце темного коридора светилось открытое пространство лифта, и там находилась специальная полупрозрачная капсула, которая внизу отделится, примет сферическую форму и будет сильным механическим толчком запущена в сторону магнитной площадки. Там она попадет в зону притяжения, начнет падать на площадку, пока не исчезнет на горизонте событий. Вместе со всем содержимым. Лифт поднимается вверх пустой, чтобы дожидаться следующей жертвы.

У раскрытого лифта стоял Дима.

— Я совсем забыл, — начал он, — вчера в мнемоблоке…

— Что-то он стал меня раздражать в последнее время, — пробормотал про себя Эдуард, а громко сказал:

— Не сейчас, понимаешь, не до тебя.

— Но, — возразил Дима, прикинувшись идиотом.

— Не до тебя, понял! Заткнись и уматывай! —заревел Эдуард и кинулся в строну Димы. В ту же минуту он упал на пол, а за ним и Сева. Андрей отключил дистанционный шокер.

— Здорово ты телепатируешь, — с усилием произнес Дима, когда они втаскивали бесчувственные тела в лифт.

— А то, – махнул головой Андрей. – Телепатический инструмент не подвел, – он постучал по карману, куда положил шокер.

— А-а, ты про это? — рассмеялся Дима. – А я про мысли. Я ведь не знал, что именно сегодня за тобой придут, еле добежал сейчас.

Лифт сам закрылся и сам пошел вниз.

За окном метель, но в палате тепло. На белой тумбочке большой букет нежных разноцветных фрезий. Нина полулежит на подушках. Лицо у нее усталое, но спокойное и прекрасное. Завтра предстоит операция, которую оплатит благотворительный фонд, взявший опеку над ней и дочерью. Рядом с вазой на тумбочке — толстая книга в синем переплете.

— Что за книга? — спрашивает Андрей.

— Это? Библия, миссионеры оставили.

Андрей открывает том на первой попавшейся странице и читает вслух.

— «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле. Поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет».

Андрей молчит, потрясенный.

— Что ты замолчал? — спрашивает Нина. — Страшно? — она слабо улыбается. — Миссионеры говорят, что сроки наступления этого неизвестны, и многое зависит от людей, от их доброй воли, как они будут бороться со злом внутри себя. Да и снаружи тоже.

— Ну что ж, — тогда еще поживем, — говорит Андрей.